

Дефне Суман

После завтрака

Роман

Перевод с турецкого
Михаила Шарова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Астана

Дверь приоткрылась.

— Бурак...

Я пробормотал что-то невнятное.

— Эй, Бурак! Ты спишь?

Заскрипели паркетные половицы. Селин вошла в комнату. Нет, Селин, уже не сплю. Благодаря тебе. Я с трудом разлепил веки. Голова раскалывалась. В моем поле зрения появились длинные загорелые ноги. Потом моего лица коснулись волосы, защекотали шею. Это Селин опустила на колени у изголовья. Увидев, что я не сплю, широко улыбнулась. Я закрыл глаза. Высокий потолок, белая штукатурка, головная боль.

— Да у вас, эфенди, похоже, похмелье! Глаза-то еле открываются.

— Мм...

— Просыпайся, Бурак, просыпайся. Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Шла бы ты, Селин! Сплю я. Иди, залезь в постель к какому-нибудь своему ровеснику. Ты молода, красива, ноги стройные, волосы золотятся, как спелая пшеница, но меня ты не интересуешь. Меня интересует твоя тетя. Кстати, где она сейчас? Спит, конечно. Где ей еще быть?

Подумал о Нур — и вспомнился вчерашний вечер. Мы сидели на деревянном причале у дома. Нур, Селин и я. Тетя, племянница и Бурак, друг семьи. Точнее, друг Нур. Мы были пьяны. Мы с Селин прикончили две бутылки красного вина. Нур, несмотря на то, что вечер был жаркий, пила коньяк. Тушила самокрутки о почерневшие от време-

ни доски и не бросала окурки в море, а аккуратно выкладывала их в ряд. Что потом? Потом ты, Селин, поднялась в дом и вернулась с новой бутылкой. Шла, пошатываясь, споткнулась и уронила бутылку в море. А я ее выловил. Нур и Селин смеялись, хлопали в ладоши. Герой Бурак! Да ладно вам. Глубины-то было по колено в том месте. Выпили и эту бутылку. Свернули по косячку — у Нур была травка. Потом я с кем-то из вас целовался. С Нур, скорее всего. Или с обеими? Нет, не было этого. Ни с кем я не целовался. Это было во сне.

— Бура-а-ак! Да проснись же! Я серьезно. Папы нет дома.

— Угу.

— Папы дома нет, говорю. Слышал? Ушел куда-то.

— Попозже вернется, Селин. На прогулку вышел, вот и всё.

Да, это был сон. Очень хороший сон. Я целовал Нур. Мы были одни на берегу. Но не здесь, не перед домом Ширин Сака, а в укромной бухточке, где мы с Нур познакомились. Луна проглядывала сквозь облака, и в ее свете нагое тело Нур отливало серебром. Мне нужно было сказать ей что-то очень важное, но я сдерживался, потому что боялся проснуться.

Селин принялась меня трясти, так что пришлось открыть глаза. Ладно, сон кончился. Вынужденная посадка в настоящее время. Когда шасси коснулись земли, снова заболела голова. Кусочки моей личности потихоньку собирались в единое целое. Я — Бурак Гёкче. Сорок четыре года. Мужчина. Нахожусь на Большом острове¹, в доме Ширин Сака. День недели? Воскресенье. Шекер-байрам².

¹ Большой остров, или Бююкада, — самый крупный из Принцевых островов, расположенных в Мраморном море в непосредственной близости от Стамбула.

² Шекер-байрам, или Ураза-байрам, — мусульманский праздник, знаменующий конец Рамадана, священного месяца поста.

Завтра — день рождения Ширин-ханым, ей исполнится сто лет. Я приехал сюда и как друг семьи, и как журналист.

Повернувшись к тумбочке за очками, я оказался нос к носу с Селин. Мир вокруг расплывался, но Селин была так близко, что я волей-неволей видел ее широко распахнутые голубые глаза. Ее детское личико, голос и позаимствованные из турецких сериалов интонации меня раздражали.

— Нет-нет. Он уехал. Уехал с острова. Его постель нетронута — как заправил ее Садык-уста¹ вчера утром, так и стоит. То есть он дома не ночевал. Взял с собой рюкзак. Ни ноутбука, ни зарядки от него. Мой отец куда-то уехал!

Я вздохнул. Розоватый солнечный свет, льющийся в окно, потускнел, стал почти желтым. Безжалостное летнее утро. Торопливое солнце. Обязательно нужно ему поскорее залезть на небо — висит там восемнадцать часов и светит, как ненормальное. Я подумал о Фикрете, отце Селин. Это он позвонил мне и сообщил, что я приглашен на день рождения его бабушки, который будет отмечаться в узком семейном кругу — и больше из представителей прессы никого не позовут. Говорил, как всегда, очень серьезным голосом. Я улыбнулся. Можно подумать, прессе есть дело до Ширин Сака! Да, когда-то о ней много говорили в кругах любителей искусства, но кто теперь помнит ее имя? Вслух я этого, конечно, не сказал. Ведь Фикрет был ее внуком.

Я немного расстроился, что меня пригласила не Нур, но упускать такой случай было нельзя. Все праздничные дни я проведу на острове в доме Ширин Сака. Поговорю с Ширин-ханым, побываю в библиотеке, где она пишет свои картины, посмотрю на старые фотографии, прочитаю старые письма, открытки и дневники, ежели таковые есть. А кроме того, все это время я буду под одной кры-

¹ Уста (*тур.* «мастер») — вежливое обращение к человеку, занятому тем или иным физическим трудом.

шей с Нур, а ее муж Уфук по какой-то личной причине, которая меня совершенно не заинтересовала, не сможет к нам присоединиться. Разумеется, я принял приглашение Фикрета.

Было время, когда я мечтал взять интервью у Ширин Сака. Много раз просил Нур его организовать. Но та каждый раз отнекивалась, как будто право поговорить с ее бабушкой нужно было еще заслужить. В конце концов я бросил попытки. И вот теперь эта возможность явилась сама. Конечно, Фикрет предупредил меня по телефону, что бабушка не всегда пребывает в здравом уме и твердой памяти, но я ведь много лет делаю интервью с пожилыми людьми, научился составлять из сотен отражений в кусочках разбитого зеркала осмысленную картину. Так что общение с Ширин-ханым не должно было доставить мне особых трудностей.

Селин по-прежнему сидела на полу у изголовья, ждала ответа. Я вдохнул исходящий от нее легкий аромат корицы. С трудом пошевелил слипшимися губами.

— Может быть, он йогой занимается. Он же говорил, что каждый день начинает с йоги.

— О чем ты, Бурак? Никто не ходит на йогу с рюкзаком и ноутбуком. И вообще, йогой он занимается в своей комнате до зари. Говорит, что после рассвета в этом уже нет никакого смысла. Давай вставай и пошли его искать. Спустимся к пристани. Мне очень любопытно, где он. Может быть, сел на какой-нибудь пароход и уплыл?

Я поправил легкое одеяло, которым были укрыты мои ноги, и приподнялся на локте. Селин улыбнулась, увидев мою футболку.

— Ух ты! «Металлика»?

Эту футболку я нащупал вчера в темноте в одном из шкафов, когда пьяный вернулся в дом.

Моя рубашка намочила, когда я полез в море, чтобы достать бутылку, так что я снял ее и повесил где-то на

причале. А футболка, очевидно, принадлежала Огузу, старшему брату Селин.

— Где Нур? Проснулась? Может, она знает, где твой отец.

— Ой, только давай не будем ее ждать, безнадежное дело. Тетя раньше полудня не проснется. Она всю ночь марала бумагу. Начала новый роман. Исторический. Вроде бы по заказу какого-то богатого бизнесмена. Она тебе не говорила? Когда мы все ложимся спать, она пишет. Писатель-призрак!

Селин посмеялась собственной шутке. Я промолчал.

Мне было больно оттого, что Нур стала писателем-призраком. Литературным рабом. Все, что связано с Нур, причиняло мне боль.

— Хорошо, я встаю. Только дай мне, пожалуйста, две минуты, чтобы прийти в себя и умыться. Подожди снаружи.

Селин, недовольно ворча, встала и направилась к двери. Что это за панибратство такое, откуда взялось? А вот именно так и бывает, дружище Бурак, когда пьешь с девушкой вино из одной бутылки в ночной темноте. Наверняка я под влиянием выпитого рассказал ей что-нибудь о себе, и теперь Селин чувствует, что я стал ей ближе.

Я сбросил одеяло и сел на своей односпальной кровати. Голова продолжала раскалываться. Я налил в стакан воды из графина, что стоял на тумбочке, отпил немного и приложил стакан к виску, потом к другому. От прохладного прикосновения голове стало полегче, но я все еще был не в том состоянии, чтобы сразу встать и куда-то пойти. Мой взгляд остановился на картине, висевшей над тумбочкой. Это была картина Ширин Сака: корабль в игре голубых теней и света. Тонкие черные силуэты на палубе сливались с клубами дыма, идущего из непомерно огромных труб. Лиц у людей не было. В руках они держали белые платочки. На заднем плане — зеленые горы с вы-

резанными в склонах каменными домиками или, может быть, гробницами. С горных вершин спускается туман, и нос корабля уже скрылся в этом тумане. Почему-то эта картина навела меня на мысли о Сюхейле Булут — безвременно ушедшей матери Нур. О единственной дочери Ширин Сака.

Я не был знаком с Сюхейлой-ханым. Она умерла в последний день тех праздничных выходных, когда мы познакомились с Нур. В тот день, когда мы вернулись в университет. Точнее, в ту ночь, когда мы ехали на автобусе из Фетхие¹ в Стамбул. Я понимал, что это глупо, но все равно многие годы в глубине души злился на эту бедную женщину — за то, что она погубила нашу любовь. Как будто если бы ее сердце не остановилось в ту ночь, у нас с Нур завязались бы нормальные, стабильные отношения. Теперь, глядя на окутанные синеватой дымкой вытянутые силуэты на картине Ширин Сака, я отчетливее, чем раньше, понимал, что все эти годы носил в себе эту злобу. Если бы мать Нур не умерла, Нур полюбила бы меня. Я искренне в это верил. Какая глупость!

Еще один стакан воды. Мое горло превратилось в пустыню. Увлажнить его не получалось: вода, не вступая с ним во взаимодействие, проскальзывала прямо в желудок. Я встал, с графином в руке подошел к окну, раздвинул тюлевые занавески и выглянул в сад. Садовник с погасшей сигаретой в уголке рта поливал из шланга сухую землю. Деревья, цветы, растения в горшках — все тут засохло. И сама Ширин-ханым, и Садык были уже слишком стары, чтобы ухаживать за садом. А когда-то здесь была такая красота! Разноцветные розы, оплетающая ограду жимолость, радующие глаз фиолетовые и красные цветы бугенвиллии...

Мне захотелось разбудить Нур и поговорить с ней о том утре, когда мы вместе шли в Босфорский универ-

¹ Фетхие — город-курорт на юго-западе Турции.

ситет. Пройти по разделяющему наши спальни коридору мимо ванной, постучать в дверь, растянуться рядом с Нур на кровати, и пусть то она вспоминает, то я. Так, словно просматривая старый-старый фильм, мы снова заглянули бы в свою юность. Нет, не выйдет! Проход сторожит Селин. К тому же Нур сильно рассердится, если я нарушу ее драгоценный сон. Да и вообще, кому захочется вспоминать тот день, когда тебе сообщили о смерти матери?

Придется вспоминать в одиночку.

И я вспомнил.

Нур машет мне рукой и улыбается, зажав в зубах телефонную карточку. Сейчас она будет звонить своей маме. Мы находимся в кампусе, утопающем в зелени и окруженном симпатичными зданиями с красными крышами — учебными корпусами университета. Я сижу на больших ступенях, которые студенты на английский манер называют степенями¹. Отсюда все внизу выглядит словно на театральной сцене: возвращающиеся в общежитие студенты с чемоданами в руках, красивые загорелые девушки, кошки, полеживающие на лужайках и греющиеся на весеннем солнышке ... Мир разыгрывает для меня свою самую прекрасную пьесу. Ветерок играет разноцветным платьицем Нур, идущей к телефонной будке. Парни, разгуливающие по кампусу, оборачиваются, чтобы полюбоваться ее красивыми загорелыми ногами. Платье совсем коротенькое, особенно для мая. И цвета его — оранжевый, красный, желтый — слишком яркие, летние. Пока мы не приехали в город, платье не казалось мне таким уж коротким. А теперь оно начало меня беспокоить. Я подношу руки к носу. На моих пальцах — запах ее волос. Жимолость, соль и песок. Этим утром мы вернулись с моря. Сойдя с автобуса, сразу направились в университет, потому что Нур хотела успеть на лекцию по гносеологии.

¹ От *англ.* steps — ступени, лестница.

— Да прогуляй ты эту лекцию, потом возьмешь у кого-нибудь конспект.

Так я говорил ей по дороге в Стамбул. Помощник водителя разносил пассажирам автобуса — кофе. Воскресенье уступало место понеделнику. Праздник переходил в будни, сказка сменялась реальной жизнью, и я крепко держался за Нур, чтобы не потерять ее. Перебирал пальцами ее взъерошенные волосы. Автобус на полном ходу несся к городу по недавно построенной автотрассе. Нур сонно смотрела в окно. Справа от нас простирались спокойные, идеально гладкие воды залива, отсвечивая сиреневым, розовым, фиолетовым... Это было совсем не похоже на то кристально-голубое море, в котором мы с радостными воплями бултыхались целую неделю. Вид залива тревожил меня. Хотелось вернуться назад.

— Не получится. Этот раздел философии — факультатив. Ни с кем из тех, кто на него записался, я не знакома. Да и в любом случае я с трудом понимаю чужие конспекты. Нужно пойти.

И мы пошли, но Нур на ту лекцию не попала.

Уже расцвел багряник. Фиолетовые холмы, синее море, изгиб Босфора и зеленые сосны, спускающиеся к Южному кампусу, — все это вместе было необычайно красиво. Мимо нас, держась за руки или в обнимку, проходили парочки. А я все никак не мог решиться взять Нур за руку. Она задумчиво шагала рядом со мной с огромным рюкзаком на спине, а к рюкзаку еще были прицеплены палатка, спальный мешок и болтающиеся из стороны в сторону металлическая походная кружка и фляжка. На коротко стриженных волосах белела высохшая морская соль, оставшаяся после нашего последнего вечернего купания. На загорелом лице застыло равнодушно-усталое выражение. «Наверное, утомилась после долгой поездки», — утешал я сам себя. Невозможно было поверить, что все осталось так далеко: наша бухточка, наш безлюдный пляж, до ко-

того можно было добраться только с моря, те вечера, когда мы пили вино, жарили на костре колбасу и разглядывали созвездия, а потом, влажные от пота, иступленно сливались в объятиях в нашей крохотной палатке.

Когда мы дошли до центральной лужайки, Нур повернулась ко мне, мило, по-детски улыбнулась и мягко сказала:

— Послушай, что я скажу, Бурак. Лекцию я прогулять не могу, а вот после нее у меня трехчасовое «окно». Я могла бы поехать домой, забросить рюкзак... Но давай лучше посидим на лужайке. Купим в кафе пирожков с картошкой и чая. Я даже по противному университетскому чаю соскучилась. Ну, что скажешь? А если захочешь, можем даже спуститься к крепости¹. Купим в буфете сосисок, посидим в «Али-Бабе».

Она взяла мою руку в свою — горячую, твердую. Все мои тревоги вмиг рассеялись. Хотелось смеяться во весь голос. Если бы не этот огромный рюкзак, я обнял бы ее, притянул к себе. А так я просто глупо кивнул. Нур сняла рюкзак и достала из кармана на молнии карточку для оплаты таксофона.

— Сбегаю позвоню маме, скажу, что приехала, чтобы она не волновалась. Ты пока посиди тут, на степах. Я буквально на две минуты.

Давай остановим время на этом мгновении, Нур. Скажем «стоп», и фильм замрет на этом кадре. Дойдя до телефонной будки, обернись и помаши мне рукой. Пусть на твоих губах играет детская улыбка. Пусть ветер треплет твою коротенькое разноцветное летнее платье. Пусть проходящие мимо парни пялятся на твои ноги. Обернись и посмотри на меня. Улыбнись с зажатой в зубах телефонной карточкой и помаши мне рукой.

Пусть время окажется не властным над самым счастливым мгновением моей жизни.

¹ Имеется в виду османская крепость Румелихисары, расположенная на берегу Босфора.

Трубку сняла не мама. К телефону подошел Фикрет, старший брат Нур. Тем утром с Сюхейлой Булут случился инфаркт. Не дослушав, Нур выронила трубку и вышла из будки. Трубка так и осталась болтаться на шнуре. Нур сделала два шага. Какой-то парень протянул ей забытую в таксофоне карточку. Нур подняла голову и посмотрела на меня, сидящего на стечах. Недавняя детская улыбка исчезла, на лице застыло выражение жестокой острой боли. Я был растерян. Это была растерянность зрителя, который рассчитывал посмотреть самую прекрасную пьесу, которую только может предложить ему мир. Лишь много позже я понял, что именно эта жестокая боль, а не время, уничтожила, вдребезги разбила прекраснейший момент моей жизни.

Нур никогда больше так не улыбалась. Ни мне, ни другим.

— Бурак, где ты застрял? Эй! Ты идешь? Или опять уснул?

Селин просунула голову в дверь. Увидев, что я в трусах и футболке стою у окна, мгновенно исчезла. Я поставил графин на столик у кровати. На душе скребли кошки. Натянув штаны и так и не сменив футболку с «Металличкой», я пошел в туалет, находившийся между моей комнатой и комнатой Нур.

2

Я соврала Бураку.

О том, что отец куда-то уехал, я узнала не утром. Ночью он заходил в мою комнату попрощаться. Или, может быть, это было раннее утро, не знаю. Я спала. То есть на самом деле проснулась, но сделала вид, что сплю.

За плечами у отца был старомодный рюкзак для ноутбука. Это я увидела, чуть-чуть приоткрыв глаза, но он

этого не заметил. Было темно. Отец наклонился, поцеловал меня в щеку. Паника! От меня пахло вином, табаком и травкой. Глаза я не открыла отчасти и по этой причине. Надо было как тетя Нур: выпить только коньяка, покурить чуток травки — и всё. У коньяка благородный аромат, он заглушает другие запахи. Где была моя соображалка?

Сквозь не задернутые до конца занавески проникал бледный свет. Луна, что ли, взошла? Когда мы в полночь сидели на причале, луны не было, это точно. Тетя Нур рассказывала, отчего светится морская вода. Такое, оказывается, бывает только в безлунные ночи. Бурак зашел по колено в море, чтобы спасти наше вино. Бурак, my hero!¹ Когда он опустил руку в воду, по его пальцам словно бы заструился звездный свет. Никогда прежде не видела ничего подобного. Чарующее зрелище. Мне тоже захотелось залезть в море, но я подумала, что это будет сочтено ребячеством, и удержала себя. Потом тетя Нур скрутила косячок. Мне тоже дала затянуться, засмеялась и сказала: «Папе не говори, а то он мне выволочку сделает». Не скажу.

Тетя Нур очень красиво смеется. Ее смех похож на ее любимый коньяк. Хриплый, терпкий, согревающий. Я затянулась один раз и передала косяк Бураку. Мы ненадолго встретились глазами. Всего на мгновение. Сердце подскочило прямо к горлу. Суперское ощущение. Биение собственного сердца заморозило меня не хуже морского свечения.

Когда папа поцеловал меня, я почувствовала прикосновение его усов к щеке. Щекотно. Захотелось захихикать, как в детстве, но тогда он точно учуял бы, чем пахнет у меня изо рта. Так что я только крепче сжала губы и продолжила притворяться спящей. Если папа почувствует запах травки, то рассердится на тетю Нур. Впрочем, откуда ему знать этот запах? Так или иначе, рисковать не следует. Не хочу испортить отношения с тетей. Иногда она звонит

¹ Мой герой! (англ.)

мне, мы встречаемся и идем в какое-нибудь совершенно неведомое мне место. Едим где-нибудь в окрестностях мечети Сулеймание плов с фасолью, а потом ходим по Зейреку, Фатиху и Бейазыту¹, по базару, где торгуют старыми книгами, и Капалычарши². Прежде чем сесть на трамвай в Эминоню, покупаем на тамошнем рынке оливки и сыр. Однажды зашли в двухэтажный караван-сарай османских времен с большим двором посередине. Там были свалены огромные пыльные груды поношенных кожаных курток, пахнувших овчиной. Из одной такой груды тетя выудила шикарный приталенный кожаный плащ до колен и купила его. Отдала почистить и потом носила. Выглядела она в этом плаще как актриса из какого-нибудь старого фильма. Мама таких мест не знает. Она более-менее знакома только с окрестностями Султан-Ахмета и Айя-Софии, может быть, бывала пару раз в Капалычарши. Папа знает. Знает, но не хочет, чтобы я там разгуливала. Не самые безопасные места, конечно.

Когда я проснулась, было еще раннее утро — это я поняла по розоватому свету за окном. Еще не открыв глаза, вспомнила о папином ночном визите. Или это был сон? Силуэт высокого человека в странном голубоватом свете, пробивающемся сквозь занавески, щекочущие мою щеку усы... Очень похоже на сон. Но нет, я знала, что это было на самом деле. Мне еще очень хотелось спать, но любопытство оказалось сильнее. Я встала. Толком не разлепив глаз, натянула вчерашнюю одежду: джинсовые шорты и майку на бретельках. Лифчик надену потом. Пошла в ванную между моей комнатой и папиной. Начала чистить зубы, взглянула в зеркало. Дверь в папину комнату была приоткрыта. Я толкнула ее пальцем. Дверь закрипела. В этом особняке нет ни одной двери или по-

¹ Зейрек, Фатих, Бейазыт и упоминаемый ниже Эминоню — исторические кварталы европейской части Стамбула.

² Капалычарши — исторический крытый рынок в центре Стамбула.

ловицы, которые не издавали бы звуков. Летом наш дом расширяется, зимой сжимается. Он похож на бабушкины суставы, такой же скрипучий.

Я вошла в папину комнату с зубной щеткой во рту. Как я и думала, отца в ней не было. Кровать с латунным изголовьем заправлена. На бежевом покрывале с кисточками — ни морщинки. Садык-уста всегда застилает кровати словно в отеле. Чтобы простыня и одеяло выправились из тех щелочек, куда он их запихал, мне нужно вертеться в кровати всю ночь. Отец совершенно точно уехал. Сто процентов. Во мне вдруг проснулся детектив. Я бросила чистить зубы. Вспомнился Бурак. Он журналист, журналист-расследователь. Кроме того, знаменитый интервьюер. Много лет назад Бурак опубликовал в газете интервью с нашим старым Садыком. В детстве, когда мне становилось скучно играть одной, я, бывало, заходила в его комнату с неоштукатуренными стенами из красного кирпича. То интервью Садык-уста вырезал из газеты и приклеил скотчем на стену над изголовьем своей кровати. Я аккуратно отклеивала вырезку, читала интервью и разглядывала выцветшую фотографию. На той фотографии, кстати, я впервые увидела Бурака: он и Садык-уста были сняты сидящими бок о бок на диване, а за ними на стене висела одна из бабушкиных картин — та, на которой изображен великан, которого связывают веревками малюсенькие человечки. На заднем плане — каменный мост, огромные свечи и сотканые из света женщины. Как всегда, ни у кого нет лиц, даже у великана. А вот на лице Садыка — его обычное выражение: смотрит в объектив взглядом встревоженного филина. Бурак выглядит моложе, чем сейчас, в волосах нет седины. Но такой же кудрявый. Другие очки. На губах — смущенная улыбка. По правде говоря, сейчас он выглядит привлекательнее.

Я открыла папин шкаф. Меня встретили запахи, знакомые с детства: пыль, мыло, горячие доски. В домах на

острове пахнет как в старом шкафу. Кто-нибудь должен написать об этом запахе в Кислом словаре¹, потому что он не похож ни на какой другой. Не перепутаешь. Ну да ладно. Все именно так, как я предполагала. Старомодного рюкзака нет. Рубашки, брюки на месте. А вот капитанских лоферов — терпеть их не могу — нет. В них, стало быть, и ушел. Я вернулась в ванную, прополоскала рот. Лосьон со стеклянной крышкой, зубная щетка, бритва? Всё на месте. Не уехал, что ли? Я расстроилась. Так, а тяжеленный ноутбук здесь? Нету. Отлично! И зарядное устройство с толстым проводом отец тоже взял с собой — старый ноут быстро разряжается. Положил в рюкзак. Итак, в чем мы можем быть уверены на данный момент?

Фикрет Булут ночью ушел из дома, взяв с собой только допотопный ноутбук.

Звучит как начало детективного романа. Класс!

Во мне бурлило веселое любопытство. Я буду играть в детектива, и журналист-расследователь Бурак должен мне помочь. Мы вместе переберем события вчерашнего дня. Когда я вчера последний раз видела своего отца? За завтраком. К ужину он не вышел, но папа вообще никогда не ужинает. Где он был вечером, когда мы пили на причале? Очень много неизвестных в этом уравнении. Может быть, он оставил записку, как бывает в фильмах? Я подскочила к письменному столу в углу комнаты. Чернильница, записные книжки в потрескавшихся кожаных обложках, старомодная телефонная книга. Ни письма, ни записки. И отец куда-то делся. Ничего не оставил, только щеку мне пощекотал усами.

Ух, как увлекательно. Надо немедленно разбудить Бурака.

¹ «Кислый словарь» (*тур.* Ekşi sözlük) — турецкий интернет-проект, в рамках которого зарегистрированные пользователи дают определения, зачастую субъективно окрашенные, самым разным явлениям жизни.